

ших матросов во власти морских чудовищ и хищных птиц. У Геснера: «...denn euch werden Raubvögel am Ufer fressen, verschlingen die Ungeheuer des Meers euch nicht».⁴⁸ У Карамзина: «Дафнис. Или алчные киты поглотят их. Палемон. Или хищные птицы исключают их на берегу необитаемом».⁴⁹ За этим следует переход к морализирующей концовке. У Геснера Баттус восклицает: «O Götter, laßt immer mich ruhig in armer Hütte wohnen! Zufrieden mit wenigem, nähre mein Anger mich, und mein kleines Feld und meine Heerde». А Лакон откликается: «Strafet mich Götter wie diese, wenn je Unzufriedenheit in meinem Busen seuft; wenn ich je mehr wünsche, als was ich habe: Ruhe und mässige Nahrung!».⁵⁰ Пастухи у Карамзина тоже испытывают духовное очищение: «Палемон. Простите нам, милосердые боги, что мы хотя на минуту были недовольны нашею долею, и желали из суетного любопытства — погибнуть в волнах! Дафнис. Простите, простите нам, милосердые боги! Впредь мы никогда не будем мучить себя воображением отдаленных удовольствий, за которые — увы! — так дорого платить должно».⁵¹

Далее Карамзин снова отступает от версии Геснера. У Геснера пастухи находят труп юного матроса и хоронят его на берегу. Позднее они сооружают храм в честь бога Пана на деньги, вырученные от продажи золотого ларца, который волны выбросили на берег. Эта заключительная сцена Карамзину показалась излишней; для него важнее всего мораль — «довольствуйся своей судьбой», и до самого конца идиллии он заставляет Палемона и Дафниса изощряться друг перед другом в изъявлениях покорности и успокоенности.

Здесь очевиден тот более широкий смысл, который хотел придать своему произведению Карамзин. Его идиллия не просто очерченная вариация на избитую тему пасторальной литературы. Он предостерегает не против бури на море, но против бурь французской революции; он обращается к соотечественникам с призывом довольствоваться своим нынешним положением и не следовать примеру французов, ибо это неминуемо повлечет за собой страшные бедствия. Такое толкование подтверждается, в частности, тем, что в произведениях Карамзина аллегорический образ бури и стороннего наблюдателя использован еще дважды — оба раза в применении к Франции. В «Письмах русского путешественника» Карамзин обращался к Парижу со сле-

⁴⁸ Gevner, Bd. 2 S. 72.

⁴⁹ Московский журнал, 1791, ч. IV, стр. 283.

⁵⁰ Gevner, Bd. 2, SS. 72—73.

⁵¹ Московский журнал, 1791, ч. IV, стр. 283—284